

ГЕНЕЗИС, ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ И КОНТЕКСТ РОМАНА Е. АЙПИНА «ХАНТЫ, ИЛИ ЗВЕЗДА УТРЕННЕЙ ЗАРИ»

*Работа представлена кафедрой литературы и методики ее преподавания.
Научный руководитель - доктор педагогических наук, профессор Е. С. Роговер*

Статья характеризует творческую историю романа Айпина, оценку его в критике, сюжет и образный мир произведения, широкий контекст выдающегося творения писателя.

The article describes the creative history of E. Aipin's novel «The Khanty, or the Morning Star», its evaluation by critics, plot, figurative world and general context of this outstanding work of the writer.

Обзор статей и рецензий, появившихся в центральной и периферийной печати, в частности в журналах и газетах Крайнего Севера, позволяет уяснить отношение критики к роману Е. Айпина и проследить смену суждений о нем и оценок. С. Залыгин одним из первых подчеркнул необходимость Айпина в литературе и назвал его «летописцем народа ханты»¹. В. Огрызко тогда же остановился на интерпретации вступительной легенды о Вознесении. Н. Канев в «Новостях Югры»² откликнулся на новый роман, назвав его книгой о прошлом, настоящем и будущем хантыйского народа и криком души писателя. В. Назаров в рецензии, опубликованной в газете «Нефтеюганский рабочий»³, остановился на сюжете романа, выстроенном как путешествие героя и позволяющем «развернуть всю панораму жизни» различных персонажей. Писатель К. Лагунов, затронул вопрос об эпической тональности произведения, выделил основной «ствол повествования», его «множество ветвей и глубоких корней» и охарактеризовал раскрытую в романе любовь героя как написанную «поразительно целомудренно, по-родниковому чисто»⁴. В большом проблемном обзоре В. Огрызко⁵ выявляет истоки драмы Демьяна, которые критик видит в жестокости технотронной цивилизации, не учтенной

героем произведения. Статья Н. Чеснокова в «Югре», полемизирующая с отзывом С. Залыгина, характеризует Айпина как «неравнодушного рассказчика о людях своего народа»⁶ и их трагических судьбах. Если названные работы носили преимущественно публицистический характер, то А. М. Мансурова в своем факультативном курсе о писателе дала уже детальный художественный анализ отдельных эпизодов романа⁷. Методическими рекомендациями учителю стала и статья тюменского филолога Е. И. Данилиной, где нашлось место и для определения жанра романа Е. Айпина, и для разговора об его этнографической насыщенности. Но слова автора о том, что роман рассказывает о ханты «победителям, колонизаторам на их языке», являются для нас неприемлемыми. В. Рогачев называет роман Айпина «провиденциальным, историософским произведением». В ряде своих работ, написанных в 2000, 2003 гг., О. К. Лагунова углубляет наше представление о сюжете романа, осмысляет мотивы дороги и встречи, интересно пишет о разных временных и пространственных плоскостях, в которых пребывает герой книги¹⁰. Ю. Хазанкович тесно связывает трагедию конкретного человека с судьбой целого этноса, как она раскрыта в романе Айпина". М. А. Литовская в альманахе «Космос Севера» анали-

зирует сиюминутные дорожные впечатления Демьяна, переплетенные с мифами, книжными знаниями и воспоминаниями о прошлом, что в совокупности создает систему представлений о мире¹³. Н. В. Цымба-листенко определяет книгу Е. Айпина как роман-эпопею, но говорит также о лиризме повествования, однако, нарушая чувство меры, уподобляет это произведение «Войне и миру» и «Тихому Дону»¹³. Напрасно также автор книги снимает вину с двух наглых «изыскателей», обездоливших героя романа.

Все названные работы способствовали последующему переходу критиков к необходимому синтезу. В. Огрызко обобщил статьи, этюды и наброски о романе Е. Айпина в публицистической книге «В сжимающемся пространстве», явившейся своеобразным «портретом на фоне безумной эпохи»¹⁴, который хорошо объяснил замену прежнего оптимистического финала книги на драматический. На основе ряда своих предшествовавших статей монографию о творчестве Айпина создал профессор Е. С. Роговер. Здесь интересно говорится о сложном соотношении вертикалей и горизонталей пространства, рождающемся в романе представлении о трех мирах, в которые верят ханты, о сплетении их мифологических представлений с этническими¹⁵. Анализ романа здесь отличается строгой последовательностью, стройностью и доступностью изложения. На основе длительного исследования книг Е. Айпина написала свою диссертацию О. К. Лагунова, в которой анализируется цепь воспоминаний героя как структурных образований, построенных по принципу «матрешки», прослеживается процесс постижения одного сознания (художника) другим сознанием (охотника). Память героя трактуется как одна из составляющих связи каждого с чужим, как ядро модели мира героя и автора¹⁶.

Обзор работ о романе показал, что еще не освещенной осталась творческая история романа. Последний еще не введен в кон-

текст художественного творчества автора, не соотнесен с сто публицистикой, с произведениями литературы народов Севера на сходную тему, еще не сопоставлен с рядом творений русской литературы, близких по своему пафосу и образному строю. Не выявлены его переклички с произведениями зарубежной литературы, не показана мотивная структура произведения, не раскрыто с должной глубиной фольклорное начало романа, не истолковано трагическое как эстетическая категория, придающая книге исключительное художественное своеобразие. Эти проблемы и составляют последующие линии нашего анализа творения Айпина.

Творческая история романа «Ханты...»¹⁷ сложна и по-своему уникальна. Произведение создавалось в течение более десяти лет - с 1977 по 1987 г. Толчком к созданию первого варианта произведения стала драматическая история, случившаяся с отцом писателя, когда геологи отобрали у старика оленей «из-за красивых рогов». Сопоставление первоначального варианта¹⁸ с окончательным текстом обнаруживает отсутствие в повести вступительной легенды, рассуждения о призвании человека, развернутого диалога с Анисьей, драматических предчувствий Демьяна. Образу Звезда Утренней Зари не придавалось символического значения. Отсутствовал космический пейзаж с этой Звездой и переживания охотника. В повести густо была представлена хантыйская речь и пояснения к ней, не было разделения на главы, язык не отличался поздней образностью. Эпизод встречи с «искателями» не был развернут, как и думы о наступлении нефтяников. Отсутствовали мотивы дороги и «корней», эпизоды встречи с Мариной; не было важной истории Седого и его подвига, повествования о Кровавом Глазе, размышлений о бедственном алкоголизме на Севере, личности директора Корнеева. В повести отсутствовали дума о Райшеве и рассказ о Медвежьем празднике. Вместо оптимистической концовки повести возникает траги-

ческий финал романа. Изменение жанра повлекло за собой превращение повествования о Демьяне в эпос, посвященный хантыйскому народу и многочисленным судьбам отдельных людей. Новый вариант вобрал в себя повествование о прошлом, относящемся к 1930-м гг. - времени массовых репрессий, об эпохе Великой Отечественной войны. В результате трансформаций усложнилась структура произведения, более разветвленным стал сюжет книги.

После обсуждения первого варианта книги в Оренбурге Айпин в 1984 г. создал новую редакцию произведения¹⁹, однако в результате волокиты и перестраховки издателей роман пролежал в редакциях без печатания шесть лет. В 1987 г. удалось опубликовать ряд отрывков из произведения в «Уральском следопыте», «Книжном обозрении», «Северных просторах». Только в 1990 г. существенно переработанная многострадальная книга вышла из печати в издательстве «Молодая гвардия». Это произведение стало первым романом в хантыйской литературе.

Сюжет романа - трехдневное путешествие хантыйского охотника Демьяна в интернат, где учатся его сыновья, и напряженные размышления героя о себе, о людях своего рода, близкой и дальней родне позволил автору раскрыть процесс идентификации личности со своим этносом, которому и посвящен роман. Одновременно автор сопрягает различные пласты прошлого своего народа с драматическим настоящим и ставит целый комплекс волнующих его соплеменников проблем и тревожных вопросов. Их решение достигается раскрытием целого ряда непростых судеб соплеменников Демьяна и выстраиванием разветвленной и тщательно продуманной системы образов.

Проблематика и мотивная структура романа, по нашему убеждению, могут быть глубоко осмыслены рассмотрением произведения в контексте творчества самого художника слова. С этой целью мы просле-

живаем зарождение, созревание и завершение (в романе «Ханты...») тем и мотивов предшествовавшего творчества писателя. При этом мы останавливаемся и на художественных произведениях Е. Айпина, и на его публицистике.

Контекстуальный анализ может быть распространен не только на рассказы, повести и статьи, созданные до книги «Ханты...», но и на последующие произведения писателя, где некоторые темы и мотивы романа (война, алкоголизм, мотив гаснущего очага) получают свое дальнейшее развитие.

Столь же поучительно рассмотреть роман «Ханты...» в контексте произведений литературы Севера. В хантыйской литературе есть устойчивая тема Медвежьего праздника (например, в творчестве Р. Рутина²⁰ и Т. Молдановой²¹). К передаче содержания этих игрши обратился и Айпин, посвятив им 21-ю главу романа. Анализируемая книга интересно соотносится и с произведениями других северных литератур. Здесь следует назвать повесть удэгейца Д. Кимонко «Там, где бежит Сукпай»²². Так же, как и этот автор, Айпин прослеживает историю жизни своего этноса, тесно связывая с нею жизнеописание главного автобиографического героя. Хантыйскому писателю был близким поэтический сборник чукчанки А. Кымытваль «Слушая музыку»²⁵ с его центральным мотивом дороги и темой родственности людей и народов. Тема путешествий, сопровождаемых размышлениями, сблизила роман Е. Айпина с книгой Ю. Рыхтэу «Под сенью волшебной горы»²⁴ и его же очерками «Ирвытгыр»²⁵.

Значительно углубляет анализ романа «Ханты...» сопоставление его с рядом произведений русской литературы. Мы имеем в виду повесть «Пожар» В. Распутина²⁶, где герой по роду своей деятельности постоянно связан с дорогой и мучительно размышляет, как и айпинский Демьян, о переменах, возникших в окружающей его жизни. Немало общего (и одновременно

специфичного) выявляется при соотнесении романа Айпина и повествования в рассказах «Царь-рыба» В. Астафьева²⁷. В обеих книгах идет речь о путешествиях героя по родным местам Сибири, о неприятии многих негативных явлений обновляющейся действительности. Родственными оказываются мотив «царь-рыбы» в одном произведении и «рыбы удачи» - в другом. Схожими становятся открытия на охотничьих тропах. Близкими воспринимаются и особенности структуры книг, включающих в себя относительно самостоятельные рассказы. Пафосом названных трех книг является протест против расхищения и разрушения природных богатств страны, выражение боли по поводу деградации личности, лишенной прочных корней в родной земле и народе.

Заслуживают внимания и артефакты типологического схождения романа Еремея

Айпина «Ханты...» и таких произведений литературы ближнего зарубежья, как повесть «Белый пароход»²⁸ и роман «(Буранный полустанок»²⁹ Ч. Айтматова. В основе сопоставляемых творений лежат мифы и поэтические легенды. Природа становится в них одним из важнейших объектов изображения. Созвучны названные произведения и своим конфликтом столкновением двух миров, двух цивилизаций, причем мир добра нередко обнаруживает свою пассивность перед агрессией зла, что приводит к трагическим финалам: «уходу» Мальчика (у Айтматова) и Демьяна (у Айпина). Это обстоятельство обуславливает появление в поэтике произведений гротескных образов (человеческих чучел и Орозкула у Ч. Айтматова, Кровавого Глаза у Айпина) и многообразное проявление трагического.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Залыгин С. П. Летописец народа ханты // Айпин Еремей. Ханты, или Звезда Утренней Зари / Предисловие. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 3.

² Канев Н. Дареный роман // Новости Югры. 1991. 4 июля. С. 5.

³ Азаров В. Сяду на нарту, песню запою... // Нефтеюганский рабочий. 1992. 19 марта.

⁴ Лагунов К. Живая нить воспоминаний // Тюменская правда. 1993. 8 июля.

⁵ Огрызко В. О Севере - без экзотики // Наш современник. 1993. № 1. С. 181-191.

⁶ Чеснокое П. Звезда Утренней зари - взойдет // Югра. 1995. № 1. С. 44.

⁷ Мансурова А. М. Комментированное чтение главы из романа Е. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». М.: ИНПО, 1995. С. 63-86.

⁸ Данилина Е. П. Миф и литература в прозе писателей Тюменского Севера // Матер. Тюменскую края: Кн. для учителя и ученика. Тюмень: Софт-Дизайн, 1997. С. 121-163.

⁹ Рогачев В. А. Стрелы вольного охотника (о прозе Еремея Айпина) // Эринтур. Вып. 4. Ханты-Мансийск: Эринтур, 1999. С. 250-259.

¹⁰ Лагунова О. К. Модель мира в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина // Вестник Тюменского ун-та, 2000. С. 19-27.

¹¹ Хазанкович Ю. Г. Сопротивление распаду // Хантыйская литература. М.: Лит. Россия, 2002. С. 77-61.

¹² Литовская М. А. Картина мира в романе Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» / Космос Севера. Вып. 3. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 130-143.

¹³ Цыбалистенко Н. В. Север есть Север...: Исторические судьбы коренных народов Ямала в литературном освещении. СПб.: Просвещение, 2003.

¹⁴ Огрызко В. В. В сжимающемся пространстве: Портрет на фоне безумной эпохи. М.: Лит. Россия, 2006.

¹⁵ Роговер Е. С. Творчество Еремея Айпина: Монография. СПб.: Изд-во «Олимп-СПб.», 2007.

¹⁶ Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX в. (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги): Монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007.

¹⁷ Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: Роман / Предисл. С. Залыгина. М.: Мол. гвардия, 1990.

- ¹⁸ Айпин Е. Д. Звезда утренней зари: Повесть // Урал. 1980. № 3. С. 37-54.
- ¹⁹ Айпин Е. Д. Звезда утренней зари: Повесть // Близок Крайний Север. М.: Современник, 1982. С. 300-340.
- ²⁰ Ругин Р. П. Медвежий праздник // Дружба народов. 1989. № 4. С. 158-159.
- ²¹ Молданова Т. А. Медвежьи шршца: Очерк // Мир Севера. 2000. № 4. С. 86.
- ²² Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай: Повесть / Пер. с удэгейского и лит. обработка Ю. Шестаковой. Хабаровск: Дальгиз, 1950.
- ²³ Кымытваль А. А. Слушая музыку: Стихи / Пер. с чукотского. Магадан: Кн. изд-во, 1972.
- ²⁴ Рытхэу Ю. С. Под сенью волшебной горы. Л.: Сов. писатель, 1974.
- ²⁵ Рытхэу Ю. С. Ирвытгыр, или Путешествие во времени и пространстве по Берингову проливу // Нева. 1980. № 5. С. 49-109.
- ²⁶ Распутин В. Пожар // Наш современник. 1985. № 7. С. 3-112.
- ²⁷ Астафьев В. П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мол. гвардия, 1981. Т. 4. С. 5-391.
- ²⁸ Айтматов Ч. Белый пароход (После сказки): Повесть // Чингиз Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря: Повести, роман. М.: Эксмо, 2003. С. 177-311.
- ²⁹ Айтматов Ч. И дольше века длится день... (Буранный полустанок) // Чингиз Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря: Повести, роман. М.: Эксмо, 2003. С. 409-876.